

Ольга ПИЛИМОНКИНА

Тихвин Ленинградской области

Родилась в селе Тюхтет Красноярского края, в семье учительницы и редактора местной газеты. Школьные годы провела на юге Красноярского края, в Ермаковском районе. Судьба забросила на Камчатку. Там в 2003 году окончила Камчатский государственный педагогический университет по специальности «Филология». Преподавала русский язык и литературу школьникам в военном городке на Камчатке. Потом долгое время преподавала русский язык и культуру речи для студентов в

техникуме Шарыпово Красноярского края. С 2010 года живёт и работает учителем в городе Тихвине Ленинградской области. В 2014 году принимала участие в конкурсе стихотворений на военную тематику «Моя Победа», организованным редакцией газеты «Неизвестный Петербург» в Санкт-Петербурге.

НАВСТРЕЧУ НОВОЙ ЖИЗНИ

Я с надеждой и радостью детской там на мир восхищённо гляжу,
И события — как яркие ленты. Их потом воедино свяжу.
И мне каждая лента напомнит о родителях, школе, друзьях,
И душа очерстневшая вспомнит, как парила она в облаках...

О. П. Пилимонкина

Как сейчас помню тот день, с которого моя жизнь изменилась кардинальным образом. Календарь показывал тридцатое августа. До первого сентября оставался, по сути дела, всего один день с хвостиком. Я уже примеряла новую школьную форму в предвкушении встречи со своими одноклассниками, по которым успела за лето соскучиться, как вдруг с работы вернулся отец, почему-то раньше обычного. Они с мамой о чём-то долго и напряжённо разговаривали в дальней комнате, а потом нам с сестрой было объявлено, что мы переезжаем, причём в самое дальнее село, которое находилось за триста километров от нас. В общем, нам тогда казалось, что это где-то у чёрта на куличках! Все планы рушились, как и наша спокойная, налаженная жизнь. Отца направляли поднимать отстающий совхоз, располагавшийся в горном селе с красивым названием Вольногорское.

На сборы у нас был только один день. И на следующее утро мы уже сидели в машине, ехавшей по извилистой горной дороге неизвестно куда. В руках у меня был испуганный котёнок, который так же, как и я, не знал, что нас ждёт там, впереди. Наш задиристый пёс по кличке Бим забился под

заднее сиденье и до конца дороги не высовывал носа. Под ногами стоял большой железный бачок, в который в спешке мы срезали все цветы из палисадника, чтобы было с чем идти в новую школу на первое сентября. Говорить о том, что настроение у нас было неважное, — это значит не сказать ничего. Но делать было нечего, и мы неслись по крутым поворотам узкой горной дороги навстречу новой жизни. Потом в жизни будет ещё много таких дорог, которые будут вести меня по моей дороге жизни, но эту, первую, я запомнила особо.

Утро первого сентября выдалось на редкость тёплым и солнечным. Мы с сестрой, которая была меня на несколько лет постарше, быстро собрались, взяли букеты и пошли в школу. По дороге пришлось несколько раз спрашивать прохожих, в каком направлении идти. Где находится школа, мы не знали и пришли на линейку в самый последний момент. Школа была большая, двухэтажная. Потемневшее дерево говорило о её почтенном возрасте. Во дворе царило радостное оживление, все ребята о чём-то болтали и смеялись. Я же робко стояла на крыльце, не зная, куда мне идти, и уже была готова провалиться сквозь землю от неловкости, как вдруг чей-то голос за спиной сказал:

— Привет! Ты что, новенькая?

— Ага, — нерешительно ответила я.

— А в каком ты классе? — поинтересовалась девчонка с голубыми глазами.

— В пятом. Вот... найти свой класс не могу. Не подскажешь?

— Да, конечно же! Я ведь тоже с пятого. Ну ничего себе, а нам даже никто и не сказал, что у нас новенькая! Пошли.

Да уж, два дня назад я и сама не знала, что буду новенькой в какой-то незнакомой школе!

— А как тебя звать-то? — спросила девчонка.

— Алька, — ответила я. — А тебя?

— Наташа, — весело представилась новая знакомая.

Впоследствии я буду часто вспоминать этот момент. Момент зарождения настоящей дружбы, которая продлится многие годы. Но тогда ещё я этого не знала, послушно шла за девчонкой со светлыми короткими волосами и была ей очень благодарна за эту помощь.

Когда мы подошли к будущим моим одноклассникам, те с нескрываемым любопытством начали меня рассматривать, отчего мне, честно сказать, было не по себе. В отличие от рослых и крепких девчонок, я была довольно шуплой и не слишком высокой. Они сбились в стайку и, по всей видимости, обсуждали новенькую, то есть меня. Не самый лучший момент в жизни человека! Кто был в подобной ситуации, тот меня поймёт. Я, перебарывая себя, первой подошла знакомиться с новыми одноклассницами. Меня засыпали вопросами. Ещё бы, всем было интересно, откуда я к ним свалилась и кто я такая. После линейки мы пошли в класс, он оказался просторным и уютным. За парту ко мне села Наташа, и мы тихо, так, чтобы не услышала учительница, продолжали болтать. Оказалось, что живём мы с ней почти рядом, и идти со школы нам было по пути. Вот здорово-то! Домой мы возвращались вместе, настроение было хорошее. Это незнакомое село начинало мне всё больше нравиться, тем более что места здесь были удивительно красивые.

Вольногорское находилось как бы в котловине и было окружено со всех сторон горами с непроходимой тайгой на сотни километров. Склоны ближайших сопок зимой служили нам вместо горок, с которых скатиться на санках или на лыжах было счастьем, а по весне они сплошь покрывались розовым пахучим багульником, запах которого я помню до сих пор. Вдоль села пробегала чистейшая горная речка, в которой мы потом купались часами. К слову сказать, будучи уже взрослой, я пыталась, глядя на весело плескающуюся ребятню, вспомнить детство и искупаться. Но мне удалось только зайти по колено. Вода была ледяной! Но это было потом. А тогда мне казалось, что это самая лучшая речка, самое лучшее село, самое лучшее детство, самая лучшая школа. Я до сих пор вспоминаю это время с доброй улыбкой. Вот вернуться бы туда хоть на денёк!

В школу я бежала теперь с радостью. Мы с Наташей договаривались, что встречаемся на развилке, и оттуда вместе шли в школу. Уроки пролетали мгновенно. Иногда мы с удовольствием оставались и после занятий, чтобы обсудить классом какие-нибудь вопросы. На одном из классных часов учительница спросила:

— А кто у нас в классе хорошо умеет рисовать?

Оказалось, что это были мы с Наташкой. После чего нам было поручено еженедельно выпускать классную газету, которая после долгих раздумий была названа «Кактус». В ней мы пропесочивали наших двоечников и драчунов. Чаще всего ими оказывались Витька и Сашка, два друга, которые ни в какую не хотели учиться. Мы были не против стать редакторами, тем более что теперь у нас был повод ходить почаще друг к другу в гости. Мы теперь не просто так ходили в гости, а по делу: мы работали над газетой. Каждый новый выпуск обсуждался одноклассниками, все смеялись над нашими шаржами и колкими стихами в адрес нарушителей дисциплины. Правда, были и побочные эффекты в виде косых взглядов и сотрясающихся в воздухе кулаков от наших двоечников. Но вдвоём с подружкой нам ничего не было страшно.

Так прошло несколько месяцев. Приближался Новый год. Мы бежали в школу в радостном ожидании праздника. После уроков все остались, чтобы нарядить класс. А потом нам даже разрешили помочь старшеклассникам украшать главную новогоднюю ёлку, которая, как обычно, стояла в спортзале. В коридоре пахло мандаринами и конфетами. Все знали, что подарки уже куплены и аккуратно сложены в картонных коробках в библиотеке. Скорее бы уже Новый год, думали мы, когда после школы бежали домой делать костюмы. Ну как бежали — честно сказать, мы всегда на пару часов задерживались, чтобы покататься на замёрзшей глади маленькой речушки, пробегавшей через всё село. Мы представляли себя великими фигуристами и что у нас на ногах коньки, а не валенки, и часами выделявали разные па под воображаемую музыку. Сотовых телефонов-то тогда не было! Зато воображение у нас было развито похлеще, чем у нынешних школьников. Им сейчас и воображать-то ничего не надо, у них всё и так есть.

Мы радостные бежали домой, чтобы переодеться и обратиться у Наташи дома, для того чтобы нарисовать праздничный номер нашей газеты, последний в этом году. Он действительно оказался последним, только не так, как мы думали.

В школу в этот день мы пришли почему-то раньше обычного. То ли рано вышли, то ли очень быстро шли. Ну, в общем, до уроков у нас было почти полчаса. Я с каким-то

особым благоговением прошла по пустой школе. Непонятное чувство то ли радости, то ли какой-то торжественности, то ли лёгкой грусти охватило меня. Почему-то очень хотелось запомнить этот момент. Я не знала почему, просто знала, и всё! Может быть, именно в этот момент где-то в глубине души пришло решение, которое всплывёт в сознании спустя многие годы: посвятить свою жизнь школе.

Потихоньку она начала заполняться ребятами, их весёлыми и звонкими голосами, топотом ног и стуком дверей. Начался новый школьный день, обычный, как и все остальные. Надежда Михайловна, наша добрая классная руководительница, открыла кабинет, и мы с Наташкой побежали вешать нашу новую газету. В этот раз мы, если честно, почему-то боялись реакции наших двоечников. Уж больно резкой была критика на Витьку, который накануне умудрился три раза подраться, ударить пару раз девочек, ну а про двойки я уж вообще молчу. Да и портрет его получился уж сильно смешной. Что-то подсказывало, что не понравится это Витьке, ох не понравится!

Так оно и вышло. С утра ребята столпились около газеты, громко что-то обсуждали и смеялись. В этот момент зашёл как всегда опаздывающий Витька. Он мигом оценил ситуацию, злобно хихикнул и заявил:

— Да мне наплевать! Смейтесь, смейтесь!

Одноклассников это ещё больше раззадорило, и они расхохотались ещё громче, глядя на покрасневшего от распивавшей злости Витьку.

— У-ух, я вам, — пригрозил он. — Чтоб ваша школа сгорела вместе с этой газетой! — в сердцах произнёс он и сел за парту, так как прозвенел звонок.

Весь день Витька, сидевший от меня через парту, показывал мне под партой кулаки, и взгляд его не обещал ничего хорошего. Нас спасло то, что на пятом уроке он опять что-то натворил, и его после занятий вызвали к директору. Мы же, пользуясь удачным моментом и радуясь, что удастся избежать разговора с разгневанным одноклассником, быстрее побежали домой. Тем более что на завтра в школе была назначена ёлка, и нам надо было сделать ещё массу дел: приготовить подарки для конкурсов, доделать костюм и много чего другого. Но главное — после ёлки начинались каникулы!

К вечеру все дела были сделаны, и я, довольная, легла спать. Но сон почему-то не шёл. Я вертелась часа два, но так и не смогла заснуть. Какая-то странная тревога охватила меня. Не понимая зачем, я встала и подошла к окну. Была уже тёмная безлунная ночь. Громко лаяли собаки, и откуда-то издали доносился странный шум. Мне пришлось прижаться лицом к замёрзшему стеклу, чтобы сквозь маленькое отверстие, не разукрашенное морозными узорами, увидеть, что происходило на улице.

Я отскочила от окна, сердце моё билось, как у зайца. Пожар! Отсвет от пламени был такой высоты, что можно было догадаться: дело серьёзное. Не помня себя от охватившего вдруг страха, я побежала будить родителей. Минут через пятнадцать мы уже всей семьёй бежали по направлению высокого огненного столба. И чем ближе мы подходили, тем меньше оставалось у нас сомнений, что горит наша школа. Когда мы были уже на месте, оказалось, что там находилась уже половина села. Не знаю, как поступил бы народ сегодня, но тогда это было нормально. Это была общая беда, и решали её сообща. Никому и в голову не пришло отсидеться дома. Спасали школу всем селом.

Но школа горела быстро, как факел. Пламя сначала поглотило крышу, потом на наших глазах направилось вниз и в стороны, протягивая свои безжалостные лапы от одного окна к другому. Я с ужасом наблюдала, как огонь осветил окна нашего классного кабинета и потом пошёл гулять по всей школе. Я почему-то представила, как сгорает наша с Наташкой газета, и в этот момент я вдруг вспомнила Витьку с его «добрыми» пожеланиями в адрес школы. Как говорится, бойтесь своих желаний, да ещё и под Новый год. Из оцепенения меня вывел чей-то громкий, чёткий и спокойный голос. Это был отец. Он уже успел организовать спасение библиотеки, которая находилась с краю. Ещё было время что-то спасти. Все, кто были, выстроились в несколько длинных цепочек и, передавая друг другу книги, какие-то вещи, пытались спасти из огненных лап хоть что-то. Спасли даже наши новогодние подарки. Но тушить школу было бесполезно. Здание было старым, деревянным, огонь съел его не больше чем за полчаса. Единственное, что смогли спасти всеобщими усилиями, так это спортзал, который был когда-то пристроен к школе и соединялся с ним тонким коридором.

Мы потом долго бегали смотреть на это жуткое и странное зрелище: посреди пепелища стоит спортзал с почерневшей от гари новогодней ёлкой посередине. Хотелось плакать, но слёзы застывали в горле комом. Может, это нынешним ученикам покажется странным, но нам тогда школа было жалко. Она для нас была вторым домом, который безвозвратно ушёл в прошлое, как и наше беззаботное детство. Мне кажется, мы даже повзрослели тогда.

Полгода школа ютилась где придётся, выживала как могла. Но не бывает худа без добра: о нашей беде было доложено куда надо, и как только немного сошёл снег, началось строительство новой школы. Построили её очень быстро, она выросла как гриб после дождя. Была она просторной, светлой, двухэтажной, из белого кирпича. Да притом построили её прямо около нашего дома. Красота! В этой новой школе я проручилась долгих шесть лет, первый раз влюбилась, испытала первые разочарования, радовалась встрече с друзьями, танцевала на школьных дискотеках, встречала свой выпускной. Эта школа и сейчас стоит посреди села и радуется глаз. Каждое первое сентября новая детвора бежит туда с портфелями постигать новые знания, новую жизнь. Эта школа оставила самые светлые воспоминания и стала родной. Но всё же мне каждый раз вспоминается та моя первая школа здесь, в Вольногорском. Деревянная, старая, неказистая, но до боли родная и любимая. И когда случаются редкие поездки в то далёкое горное село и мы встречаемся с одноклассниками, то первым делом мы идём проведать нашу школу, ту, деревянную, которой больше нет. На её месте уже давно построили жилые дома. Но меня всё равно тянет туда, хотя бы постоять и посмотреть, подняв голову, на верхушки высоких старых елей, что когда-то росли в школьном дворе, а теперь лишь напоминают о ней своим присутствием. Деревья остались, а школы нет. И кажется, что они незримо охраняют её, память о ней.

С той поры прошло уже около трёх десятков лет. И живу я теперь за три с лишним тысячи километров от тех мест, и давно уже сама работаю в школе, но почему-то всегда под Новый год со светлой грустью вспоминаю эту историю, вспоминаю свою школу, своих друзей, своё детство.